

реформ», один из современников многочисленных российских преобразований писал: «При начале царствования Александра I и Николая I поднимались общие возгласы о бывших беспорядках, с жаром свершались преобразования, сменялись лица, переделывалось управление, а общее расстройство росло более и более. Ныне тот же говор! Везде твердят надо исправить бывшие ошибки; сердце же русского сжимается от страха, ибо, ежели по примеру прошедшему, новые преобразования увеличат расстройства, то не устоять государству Российскому на подмываемых отовсюду основаниях»³⁶. Последующие поколения смелых реформаторов много сделали для того, чтобы страх перед реформами у русского человека стал генетическим.

Для государственного управления России XVIII в. стал переломным. Приказная система, формировавшаяся на протяжении более чем 200-летнего периода и приспособленная к историко-географическим условиям страны, была заменена шведской системой управления. В дальнейшем каждое новое царствование начиналось с реформирования управления путём заимствования готовых форм, действовавших в развитых европейских странах. Выбор образца для подражания зависел от личных пристрастий реформаторов. За очередной попыткой верховной власти реализовать смелые замыслы следовал длительный и не всегда успешный период приспособления чуждой системы к условиям жизни огромной по территории, слабо населённой и бедной России. Непосильную задачу для реформаторов представляло создание эффективного механизма взаимодействия центральных и местных учреждений, имеющего ключевое значение для управления России. Состыковать и заставить работать в одном режиме эти звенья правительственной машины, разновременные и организованные на противоположных началах, не удалось ни одному реформатору. После великих преобразований XVIII в. в России не оказывалось то местного, то центрального управления. И чем более глобальный характер носили реформы, тем более длительный период требовался для их адаптации, а порой и заметной корректировки, и наведения порядка в управлении.

Михаил Киселёв: К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени³⁷

История реформ раннего Нового времени не нуждается в особом представлении или популяризации для российской историографии. Тем не менее, на мой взгляд, обсуждаемый сборник займёт видное место на книжных полках занимающихся этой тематикой исследователей. Книга открывает широкую сравнительно-историческую перспективу и побуждает обращаться к новой проблематике. Принимая во внимание хронологический, географический и тематический охват статей, я не рискну выносить суждения по всему сборнику и остановлюсь только на одной из ключевых проблем истории реформ – на вопросе о роли дискурса и терминологии, описывающей реформаторские процессы в России раннего Нового времени.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 231, д. 29, л. 48 об.

³⁷ Работа подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26 июня 2013 г.

Во вводной статье к сборнику М.М. Кром и Л.А. Пименова, помимо прочего, отмечают, что «первый комплекс проблем, который стал предметом обсуждения на нашей конференции, касается взаимосвязи и взаимовлияния понятий, дискурса, идеологии с одной стороны, и практики преобразований – с другой» (с. 11). Впрочем, во время дискуссии по теме «Реформы как историческое понятие и как феномен раннего Нового времени» было высказано некоторое сомнение в необходимости изучать «дискурс реформ», для того чтобы объяснить «феномен реформ». Так, по мнению А.Б. Каменского, «феномен реформ и понятие реформ – это разные вещи... Когда мы реконструируем понятие “реформа”, что это нам даёт?... Мы описываем явление. Но это не означает, что термин “реформа” нельзя употреблять по отношению к тому времени, когда этого слова не было. Да, Екатерина, имея в виду Петра I, писала, что “Пётр предпринял перемены”: Она и слова “преобразования” не употребляла. Ну и что? Давайте и мы будем использовать слово “перемены”, говоря о петровских реформах. Смысл от этого изменится?» (с. 174).

Конечно, нетрудно заметить, что А.Б. Каменский несколько смещает акценты, говоря не об изучении языка реформ как их составной части, а о бесплодности подмены научной терминологии языком эпохи реформ. Тем не менее это замечание исследователя, перу которого принадлежит обобщающая монография о реформах в России XVIII в.³⁸, вполне соответствует подходу, при котором несомненным приоритетом пользуется институциональная история реформ, то, что «было на самом деле». Иначе говоря, важно изучить, как реформы разрабатывались, насколько эффективно и с какими результатами проводились в жизнь, какое оказали влияние на последующую политику власти и т.п. При этом понятия, в которых они осмыслились и с помощью которых обосновывались, те понятия, которые собственно задавали границы мыслимого, могут оказаться на периферии исследовательского интереса. В связи с этим вспомним мнение К. Скиннера, одного из создателей Кембриджской школы в изучении истории понятий: «Если причинная связь между социальным языком и социальной реальностью действительно существует, то рассуждения об отражении одной другим могут оказаться полностью неверными... Нормативный словарь, используемый для описания и оценки своего поведения действующим лицом, накладывает ограничения на его поведение»³⁹. Таким образом, для любого исторического актора язык является не только и не столько инструментом, но и одной из детерминант его действий⁴⁰, так что исключение его из области исследования существенно искажает наши представления об исторических реалиях.

Показательно, что если в сборнике нашлось место дискурсу реформ во Франции и Англии XVIII в. (прежде всего, в статьях Л.А. Пименовой «Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения» и Ф. Минара «“Реформа” во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба»), то его роль в российской истории представлена весьма слабо. Когда в российском политическом языке появляется понятие «реформа»? Какие схожие по значению понятия использовались до появления этого концепта? Как язык эпохи формировал возможности и границы исторических деятелей? К сожалению, ответам на вопросы такого рода в сборнике отведено не так много места по сравнению

³⁸ См.: Каменский А.Б. Указ. соч.

³⁹ Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3(48). С. 152.

⁴⁰ Ср.: Там же. См. также: Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. № 4–5 (39).

с более традиционными институциональными аспектами реформ. Конечно, в книге представлена статья О.Е. Кошелевой и Е.Н. Наседкина «Феномен реформ XVII столетия в России и их интерпретация в XVIII в.». Однако за столь многообещающим названием скрывается разбор нескольких казусов, связанных с историей создания и бытования текста Новоторгового устава 1667 г.

В определённой степени попытка восполнить этот пробел предпринята в вводной статье. М.М. Кром и Л.А. Пименова отмечают здесь, что «в дискурсе XVI в. и на западе, и на востоке Европы новизна представлялась не благом, а скорее злом. Идеалы виделись не в будущем, а в прошлом. Кроме того, сфера политики не была отделена от религии и морали». Приведя фрагмент из послания Ивана IV Стоглавому собору (1551), касавшийся принятия Судебника 1550 г., авторы заключают, что «речь... шла не о каких-то нововведениях, а об исправлении отдельных нарушений завещанных предками порядков». Безусловно, интересно и важно то, что авторы обращаются к сравнительному методу, констатируя, что «нерушимость христианской веры, законов и обычаев старины, защитником которых объявлял себя русский царь, составляла основу государственности и на другом конце Европы – в католической Франции» (с. 8–9). В итоге они приходят к выводу, что «быстрые изменения всех сфер жизни при постоянных заверениях себя и других в верности религиозным заповедям и обычаям предков – в этом видится главный парадокс реформ начала Нового времени, некое присущее им внутреннее противоречие» (с. 11).

Однако, если говорить о российском материале, который наиболее нам близок и известен, возникает вопрос: насколько точны и выверены такие обобщающие наблюдения? Если по истории реформ в России XVI–XVIII вв. к настоящему времени написаны десятки научных трудов, то история дискурса реформ всё же не столь избалована исследовательским вниманием. Не являются ли предложенные построения несколько преждевременными? Позволю себе проиллюстрировать это сомнение касательно тезиса, что в Московском государстве «идеалы виделись не в будущем, а в прошлом». Согласно следственному делу 1525 г., в начале 20-х гг. XVI в. в Московском государстве между Максимом Греком и И.Н. Беклемишевым (Берсением) состоялась следующая беседа: «Да Максим жо сказывает: да Берсень жо, господине, мне говорил: Максим, господине, ведаешь и сам, а и мы слышали у разумных людей, которая земля переставливает обычаи свои, и та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменил, ино на нас котораго добра чаяти? И яз, Максим, Берсеню молвил: господине, которая земля преступает заповеди Божьи, та и от Бога казни чает, а обычаи царьские и земьские государи переменяют как лутче государству его. И Берсень молвил: однако лутче старых обычаев держатися»⁴¹. Позиция Максима Грека вполне может быть обозначена как реформаторская, хотя собеседник не произнёс слова «реформы». В известных публицистических сочинениях середины XVI в., приписываемых И. Пересветову, также не содержалось отсылок к московской «старине». Образцом для предлагаемых изменений в этих текстах выступал порядок в царстве Магмет-салтана – «правда турская». Однако при этом автор регулярно добавлял, что «правда турская» была результатом воздействий на Магмет-салтана христианских книг: «Все то

⁴¹ Сборник князя Оболенского. М., 1838. № 3. С. 5. См. об этом источнике: Казакова Н.В. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970. С. 222–229; Ситицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 131–136.

царь Магмет-салтан списал со христианских книг ту мудрость»⁴². Идеальное состояние для Московского государства должно бы наступить при соединении «веры христианской», которая была в Московском государстве, и «турской правды»: «Естьли к той истинной вере христианской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали»⁴³. Как и у Максима Грека, у И. Пересветова для преобразований главным оказывалось соответствие Божественным заповедям, а не предшествующему политическому порядку.

Равным образом, сложно обнаружить положительное отношение к московской старине у другого публициста середины XVI в. – Ермолая-Еразма. В проекте преобразований, предназначенном для Ивана IV⁴⁴, он, взирая на положение крестьян, высказывал критические замечания касательно существовавших порядков: «Ратаеве же безпрестани различныя работныя ига подъемлют... Елицы, иже от даропитательных сих ради царских собраний к ним послани бывають, и сии убо подле царскаго уставления и себе с них многа збирають... Многа же и ина ратаем обида от сего, еже царския землемерительнии писарие яздыху с южем делом мерным, отделающе царевом воином землю и меру земли вразнь всяку четверть полагающее, и сим много медлящим изыдаху многа брашна у ратаев». При этом он считал необходимым добавить, что «многа убо царства прочтохом, и сего обычая не видехом». У Ермолая-Еразма отсутствие примера в других царствах оказывается отрицательной характеристикой существующего в Московском государстве обычая, который он рассматривал как подлежащий изменению. При этом образцом изменения выступает почерпнутый из Ветхого Завета «устав Иосифа Прекрасного»: «Достоит убо и дань у ратаев царем и велможам всем имати от жит притяжания их пятую часть»⁴⁵.

В связи с этим следует обратить внимание на наблюдения Н.В. Сеницыной, что «жанр наставлений и поучений правителю со стороны духовных и светских лиц был популярным в древнерусском обществе середины XVI в.». Среди его образчиков исследовательница указывает на «Совещательные главы» Агапита царю Юстиниану, «Учительные главизны» греческого царя Василия сыну Льву, послание Константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу-Борису, текст об обязанностях «владычествующего», обозначенный принадлежащим «Сократу мудрецу еллинскому», «Аристотеля философа от епистолеи ко Александру Македонскому», а также «Главы поучительные начальствующим правоверно» Максима Грека, созданные около 1548 г. и направленные митрополиту Макарию для передачи Ивану IV⁴⁶. В этих произведениях активно продвигались мысли об обязанностях царя, о заботе последнего о благе подданных, а также об управлении по законам. Интересно отметить, что в одном из этих текстов находилось одно из первых для российского политического языка упоминаний выражения «общее благо»: «Владычествующий есть законное надстояние стаду, *общее благо всем подручником* (выделено мной. –

⁴² Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 157.

⁴³ Там же. С. 161.

⁴⁴ См.: Шляпкин И.А. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного, и его сочинения. СПб., 1911; Ржигза В.Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Вып. 33. Л., 1926. С. 157–158.

⁴⁵ [Ермолай-Еразм]. Благохотящим царем правительница и землемерие // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. С. 193–194, 197.

⁴⁶ Сеницына Н.В. Этический и социальный аспекты нестяжательских воззрений Максима Грека // Общество и государство феодальной России / Под ред. В.Т. Пашуто. М., 1975. С. 159.

М.К.) – ниже по пристрастию благо творя кому, ниже по пристрастию прещение и казнь наводя кому, но противу подвластных добродетелем, яко некий подвигоположник, почести равно дая»⁴⁷.

Таким образом, даже в первой половине XVI в. в Московском государстве можно найти деятелей, которые, предлагая изменения во имя блага подданных, отнюдь не ориентировались на некую старину. Сами же реформы середины XVI в. с их заявлениями о «земском устроении» и «государевом и земском деле», а также вниманием к роли царя как законодателя, что довольно необычно для политических представлений Московского государства⁴⁸, были связаны с идеями и представлениями, которые способствовали нововведениям. Конечно, идея «исправления по старине» присутствовала, однако являлась только частью дискурса реформ. Главным условием преобразований все же оставалось соответствие Божественным заповедям и правде. Верность «религиозным заповедям» и «обычаям предков», видимо, существовали в (потенциально) разных режимах восприятия: обычаи предков были результатом деятельности людей, а Божественные заповеди существовали вне времени. Следовательно, первые в отличие от вторых могли быть неправильными. Такой разрыв между Божественными заповедями и обычаями старины создавал возможность для реформ через опору на Божественные заповеди. Так, именно он позволил создать соответствующие идейные обоснования для церковных преобразований в Московском государстве во второй половине XVII в.

В связи с этим будет уместно привести следующее замечание А.Б. Каменского, высказанное им во время дискуссии на конференции: «Когда это стремление к изменению как восстановлению прошлого трансформируется в стремление к новизне, тогда и происходит переход от Средневековья к Новому времени. Эта рабочая гипотеза, над которой я предлагаю подумать. Петра как человека Нового времени отличала способность к восприятию будущего» (с. 174). Однако, на мой взгляд, новизна могла и не предполагать ориентации на будущее. Так, Пётр I устремлялся отнюдь не в будущее, а в воображаемую им современную Европу. Поднося ему титул императора и Отца отечества в 1721 г., приближённые писали: «Вашими неусыпными трудами, и руководством мы, Ваши верные подданные, из тмы неведения, на феатр славы всего света, и тако рещи из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены»⁴⁹. Сам Пётр и его окружение могли черпать политические примеры из прошлого. Собственно, титул Отца Отечества и императора формулировался по образцу Древнего Рима, «как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены». Обращение к прошлому появляется и в собственноручном наброске речи Петра по поводу заключения мира со Швецией в 1721 г.: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господ Бог прошедшею войною и заключением

⁴⁷ Цит. по: *Синицына Н.В.* Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965. С. 100.

⁴⁸ См.: *Киселёв М.А.* Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 49–63.

⁴⁹ Реляция что прежде, и при отправлении назначенного, от его императорского величества всероссийского. В 22 день октября, сего 1721 году торжества; о заключении с короною швецкою вечного мира чинилось. СПб., 1721. С. 3.

сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарит, аднакож, надеяс на мир, не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как... с манархией греческою»⁵⁰. Как и у И. Пересветова, отрицательный опыт погибшей Византийской империи трактуется здесь как актуальный и поучительный. Таким образом, дискурс петровских реформ ориентировался на современность и на примеры из прошлого, а не был устремлён в будущее. И в этом плане вполне можно говорить о близости к проектам Ермолая-Еразма и Пересветова, которые, не претендуя на восстановление старины, риторически обращались к опыту других государств.

Конечно, для политических представлений элиты Российской империи в XVIII в. был характерен гораздо меньший акцент на Божественных заповедях при обосновании изменений, хотя полностью их и не исключал⁵¹. Однако и такой более секулярный язык отнюдь не предполагал устремлённости в будущее. Обратимся к небольшому сочинению П.М. Сафонова (Софонова), переводчика Коллегии иностранных дел, написанному в 1730 г. Кратко рассмотрев историю форм правления в истории человечества, Сафонов пришёл к выводу, что «сиче преходящее из рук до рук все правление собраней гражданских произведено, наконец, в три формы или полиции, сиречь форму принца, оптиматов и Речи Посполитой, которые формы названы правыми, наспротив, еже есть тиранн, насилование немногих и многонародство своевольное, называлось формами злыми и неправыми». Фактически, воспроизведя Аристотелево учение о правильных и неправильных формах правления, он пришёл к следующему умозаключению (содержащему одно из первых упоминаний слова «реформы» в российском политическом языке): «В сичевом цыркуле помянутых форм люди преизящные и ума высокога осматривающее все правления народов и провинцей, прежде бывших, и н[ы]не под небом сущих, искали *поправление таких непристойностей регулами, реформациями и уставы* (выделено мной. – М.К.), способными ползовать немощи, какие коеждо правителство носит и имеет с собою временем по своей натуре. Благоискусные особы аще и трудились, постановить принципатство и Речь Посполитую в лучшей способ, как им быть мнилось, обаче не могли получить, кто бы тех правителств достигнул до тысящи лет своей жизни»⁵². Следовательно, «реформации» для Сафонова являлись только средством исправления накопившихся со временем недостатков, а отнюдь не способом построения некоего идеального общества, образ которого находился бы в будущем, а не в настоящем или прошлом. Такие элементы цикличного восприятия перемен можно обнаружить и у других политических деятелей российского XVIII в.⁵³ В связи с этим представляется, что ориентация дискурса реформ на будущее, которая появляется в Новое время,

⁵⁰ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.: Л., 1945. С. 155, 156.

⁵¹ См., например: Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008; Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, 2007.

⁵² ОР РНБ, ф. 573, оп. 1, д. СПбДА 417, л. 2 об.

⁵³ См., например: Бугров К.Д. Коррупция и разложение Российской империи: античные модели критической мысли в российской политической культуре второй половины XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 3(32); он же. «Политическое время» российского XVIII в.: темпоральный аспект политических преобразований в реформаторских проектах Н.И. Панина // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4(20).

должна была получить обоснование в рамках представлений о линейном, а не циклическом направлении развития человечества, т.е. оказаться связанной с идеей прогресса. Примером таких представлений, например, была картина «человеческого рода, освобождённого от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства его врагов прогресса и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья», нарисованная Ж.А. Кондорсэ в его знаменитом «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума»⁵⁴.

Таким образом, проблематика дискурса реформ, сформулированная в обсуждаемой книге, открывает широкую исследовательскую перспективу и очерчивает новые направления исследовательского поиска. Конечно, предложенные в сборнике решения применительно к истории России пока едва ли можно назвать во всём верными. Однако подчас формулировка вопроса оказывается не менее важной, чем предложенные ответы.

Виктор Захаров: Когда в России началось Новое время?

Обсуждаемая книга представляет собой собрание крайне интересных очерков по достаточно конкретным вопросам осуществления реформ на Западе и Востоке Европы. Каждый из текстов заслуживает отдельного отклика, но все они не случайно объединены в книге, которая имеет очевидный общий замысел. Составителям – М.М. Крому и Л.А. Пименовой – удалось добиться определённого не только тематического, но и идейного единства всей публикации, что далеко не всегда присуще книгам, имеющим подзаголовок «сборник статей».

Авторы вполне определённо соотносят феномен реформ с эпохой Нового времени. Разумеется, систематические правительственные мероприятия, которые можно назвать «реформами», осуществлялись в разные эпохи и во всех странах, но именно в Новое время, в отличие от Средневековья, процесс реформ во многом составлял стержень самой эпохи. Таким образом, материалы книги работают на консолидацию представлений о Новом времени как о целостной эпохе в истории человечества. В книге собраны материалы по истории Европы в XVI–XVIII вв., что понимается авторами как «начало Нового времени»; об этом свидетельствует название книги и текст предисловия. Однако само предисловие имеет заглавие, где употребляется понятие «раннее Новое время». Как же более точно сказать о XVI–XVIII вв.? Видимо, лучше назвать эту эпоху «ранним Новым временем», так как трудно представить себе «начало», растянувшееся на три столетия. Правда, возникает вопрос, как тогда именовать следующий период, охватывающий, по-видимому, XIX и начало XX в.? Позднее Новое время? Кажется, здесь есть ещё, над чем подумать.

Актуальность книги состоит и в компаративистском методе рассмотрения феномена реформ. Авторы постоянно ведут активное сопоставление реформ в странах Западной и Восточной Европы. Правда, восток Европы представляет в книге только Россия, с которой сопоставляются страны Запада: Англия, Франция, Испания, Швеция. Полезно было бы дополнить книгу статьями по истории реформ в странах, являвшихся непосредственными западными соседями

⁵⁴ Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 258.